

*PhD in Law, Vladimir Vitushko, Professor
Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
International University «MITSO»
Minsk, Belarus*

Conceptual aspects of the permanent process of legislation reform

Abstract. The term permanent lawmaking is widely used among lawyers. However, the conceptual aspects of this phenomenon have not been studied. The author set the task to fill in this gap and identified a number of features, as well as the purpose of this phenomenon. In this case the teleological factor is considered as the most important factor in determining the legal concepts.

Key words: permanent reform, legislation, sources (forms) rights, consistency, continuity, comprehensiveness continuity of the reform process, social functionalism, social partnership

*Dr.iur. Vladimirs Vituško, profesors
Baltkrievijas arodbiedrību federācijas augstākās izglītības iestāde
«Starptautiskā universitāte – MITSO»
Minska, Baltkrievijas Republika*

Likumdošanas permanentas reformēšanas procesa jēdzieniskie aspekti

Anotācija. Termins «permanenta likumdošana» tiesību zinātnieku vidē ir plaši izplatīts. Tai pašā laikā šīs parādības jēdzieniskie aspekti vēl nav izziņāti. Šī raksta autors ir izvirzījis mērķi izziņāt šos aspektus, konkrētās parādības pazīmes un mērķus. Pie tam mērķa faktors tiek uzskatīts kā svarīgākais juridisko jēdzienu noteikšanas procesā.

Atslēgas vārdi: likumdošanas permanenta reformēšana, tiesību avoti, pastāvība, nepārtrauktība, reformēšanas procesa pārmantotība, sociālais funkcionālisms, sociālā partnerība.

Доктор юридических наук, **Владимир Витушко**, профессор
Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет – МИТСО»,
Минск, Республика Беларусь

Понятийные аспекты перманентного процесса реформирования законодательства

Аннотация. Термин «перманентное законотворчество» получил широкое распространение среди правоведов. Однако понятийные аспекты этого явления не изучены. Автор поставил задачу восполнить этот пробел и выделил ряд признаков, а также цели данного явления. При этом целевой фактор рассматривается как важнейший, при определении юридических понятий.

Ключевые слова: перманентное реформирование законодательства, источники (формы) права, постоянство, непрерывность, комплексность, преемственность процесса реформирования, социальный функционализм, социальное партнерство.

Постановка проблемы. Актуальность.

Интеграционные процессы, происходящие в современном обществе, переход к новым видам экономических, политических, социальных взаимоотношений, требуют модернизации законодательной базы. Особенно актуальными вопросы перманентного реформирования законодательства являются для стран Европейского Союза, где национальное законодательство должно соответствовать регламентам и директивам ЕС.

Анализ исследований и публикаций.

Анализ публикаций по данной теме свидетельствует о недостаточном внимании правоведов к исследованию понятийных аспектов перманентного процесса реформирования законодательства. Среди авторов можно выделить М.Н.Марченко (*Marchenko*) [1, 2009], Ю.Г.Лескову (*Leskova*) [9, 2013], Л.В.Павлову (*Pavlova*) [11, 2002].

Целью статьи является исследование понятийных аспектов, источников права, характерных признаков перманентного реформирования законодательства.

Эмпирический опыт наблюдений за постоянным изменением общественных отношений и законодательства позволяет утверждать, что

стабильное законодательство это не более чем устоявшийся миф. Правильнее говорить о стабильности права, хотя и эта стабильность относительна. Так, по мнению профессора Марченко М.Н., генезис прав человека за период с буржуазных революций до настоящего времени включает, по меньшей мере, три этапа [1, 357-359]. Но абсолютно разорвать законодательство и право невозможно, особенно в условиях преобладающего влияния идей юридического позитивизма. Во всяком случае, можно полагать, что право не имеет коллизий и пробелов, а вот законодательство без этих недостатков попросту не существует. А значит, всегда стоит один и тот же вопрос о преодолении этих недостатков законодательства, на что и направлен важный спектр деятельности органов государственной власти, управления и др.

Реформирование, совершенствование законодательства это процесс постоянный. Но перманентный характер этого процесса был бы невозможен, если бы цивилизация при совершенствовании законодательства опиралась только на возможности внесения изменений и дополнений непосредственно в акты законодательства. Это невозможно даже в условиях функционирования, постоянно действующих, парламентов и иных органов государственной власти и управления, осуществляющих нор-

мотворческую деятельность (Правительства, Президенты и др.).

Процесс реформирования собственно актов законодательства не характеризуется непрерывностью. Между моментом вступления в силу акта законодательства и моментом вступления в силу последующего акта, изменяющего или дополняющего предыдущий акт законодательства, всегда имеется временной лаг, в пределах которого собственно текст акта законодательства неизменен, стабилен. Если бы цивилизация, государство развивались по такой схеме изменения законодательства, то они бы двигались в своем эволюционном процессе не перманентно, а скачкообразно. Образно говоря, цивилизация двигалась бы не подобно велосипедисту, едущему на велосипеде с круглыми колесами, а подобно человеку, пытающемуся двигаться на велосипеде с квадратными колесами. Между тем, можно считать установленным, что, не смотря на то, что прогресс и регресс неразрывны в развитии общества и права, эволюция права имеет объективный характер. Она протекает не только в рамках одной какой-либо империи или государства, но и в глобальном масштабе становления всей земной цивилизации [2, 47-67]. Не взирая на череду ледниковых периодов, распад множества древних цивилизаций и последующих империй, процесс эволюции законодательства и права имеет свои устойчивые генетические основы и законы, которые, по своей объективности, сравнимы с законами развития природы, экономики и другими естественными законами. Эволюция законодательства и права характеризуется преемственностью, последовательностью и непрерывностью.

Основываясь на указанных выше представлениях о тесной взаимосвязи законодательства и права, можно предположить, что законодательство не может развиваться только само из себя. Для его реформирования существуют и другие механизмы. Очевидно, сюда надо отнести механизмы изменения права, двигающие процесс реформирования законодательства. Такими механизмами изменения права могут быть, прежде всего, его формы, источники. Оказывается, формы, источники права, в первую очередь, отличаются единообразием и преемственностью для всех цивилизаций и государств. Соответственно, их можно рассматривать как

механизмы реформирования законодательства. Причем, их использование и позволяет восполнить недостатки процесса совершенствования собственно актов законодательства, придает этому процессу характер последовательности, непрерывности и преемственности.

В первую очередь восполнение пробелов и разрешение коллизий законодательства осуществляют суды. Это наглядно видно сегодня на примере деятельности конституционных судов, дающих оценку национальному законодательству на предмет его соответствия Основному закону страны, что вносит своеобразие в толкование законодательства, либо непосредственно влечет реформирование актов законодательства. Судебная ветвь государственной власти, как важная часть механизма реформирования законодательства, существует со времен Древнего Египта, империи Чингиз Хана, древнекитайских монархий и активно использует свое право прямого или косвенного реформирования законодательства. Древние обычаи сами стали первыми законами Древнего Рима и многих других цивилизаций. Современные, вновь зарождающиеся обычаи также реформируют отстающее от процесса развития общества законодательство. Наконец, такой классический источник права как доктрина, также имеет древние корни в лице жрецов Древнего Египта, авгугов, как первый царь Рима Ромул, иных шаманов и предсказателей. Этот источник и поныне широко применяется в различных правовых порядках, в том числе и в современной судебной практике Беларуси. Доктрина эволюционно или даже революционно восполняет пробелы и разрешает коллизии законодательства при правоприменении, а также является непосредственной основой нового правотворчества, реформирования актов законодательства. Взаимное и согласованное функционирование этих четырех классических форм (источников) права и обеспечивает постоянство и непрерывность в процессе функционирования и реформирования законодательства, способствует его соответствию объективно развивающимся общественным отношениям.

Отказ от использования какого-либо из названных механизмов совершенствования законодательства негативно влияет на развитие общества. Достаточно вспомнить печальный

итог такой сверхдержавы как СССР, где господствовал этактический позитивизм, а обычай рассматривался не иначе как пережиток общества. Доктрина вовсе не упоминалась как явление, способное реформировать законодательство. А судебное право рассматривалось, да и сейчас рассматривается только как второстепенный ориентир для изучения права и выработки представлений о нем [3, 76].

Между тем, совершенствование законодательства не может опираться только на само законодательство. Ничто не возрастает само из себя. Все имеет свою почву. Поэтому процесс совершенствования законодательства должен опираться на всю культуру общества, включая его традиции, веру, социальные чувства и собственно нормы права. Этот процесс всегда носит комплексный характер.

Процесс совершенствования собственно актов законодательства носит явно выраженный волевой, субъективный и односторонний характер. Достаточно сказать, что, после принятия Гражданского кодекса Республики Беларусь в 1998 году, уже принято тридцать восемь законов, вносящих в него изменения и дополнения. А вот процесс совершенствования законодательства с использованием указанных выше механизмов носит более объективный и взвешенный характер, поскольку, как уже отмечалось автором ранее, судебное правоприменение отличается устойчивым консерватизмом. Не меньшая стабильность присуща и таким источникам, формам права, как обычай и доктрина. Эти источники права наиболее пригодны для адекватного совершенствования законодательства, направленного на обеспечение его соответствия естественному процессу изменения общества и права, которые развиваются по таким же объективным законам, как, например, законы природы, экономики и др.

Поэтому, для приобретения процессом совершенствования законодательства не только непрерывности, но и большей степени естественности, соответствия объективным потребностям развития общества, необходима легализация и уравнение всех четырех источников, форм права, включая законодательство, судебное право, обычаи и доктрину.

Говоря об эволюции законодательства и права надо определиться с представлениями о том,

насколько эти процессы объективны или субъективны. Очевидно, нельзя абсолютизировать объективность или субъективность этих явлений социально организованной жизни и процессов их развития. Законодательство, даже если оно сформировано волюнтаристски, нельзя назвать сугубо субъективным. Оно одновременно и объективно, так как объективные и субъективные права личности не могут осуществиться вне зависимости от такого законодательства. К тому же, можно добавить доктринальные истины учебного процесса об объективном и субъективном характере права собственности, других правах личности. Наконец, объективность формирования законодательства обусловлена рядом других обстоятельств. Человек, государство способны принимать волевые нормативные правовые акты, которые лежат в основе того, что мы называем объективным правом. Законодатель может запланировать акт законодательства или систему таких актов. Но нормативные правовые акты возникают в идее, в одном своем измерении. Когда они обсуждаются, а затем принимаются, то приобретают ряд других измерений. А после их толкования и правоприменения, акты законодательства принимают все новые и новые измерения.

Помимо целевых установок на процессы правотворчества и правоприменения влияют факторы подсознания, веры, социальных чувств добра, справедливости и иных у законодателя, судьи, ученого или обывателя. Поэтому, любой акт или система актов законодательства складывается объективно и независимо от воли законодателя.

Что касается права и его системы, то оно складывается объективно, в смысле независимости от воли законодателя, государства и всего общества. Развитие права носит объективный характер, поскольку оно развивается не по воле одного лица, а по организованной воле множества лиц. Это развитие отличается спонтанностью, стихийностью, конкурентным противостоянием, противоборством различных идеологий, ролью отдельных лиц в истории и противоборством социальных слоев общества. Одновременно, для развития права характерен и субъективизм, поскольку не исключается факт волюнтаристского законодательства, идеологии этактического

позитивизма при толковании и применении права, реализации субъективных прав.

В свою очередь реализованные субъективные права и обязанности личности, имея субъективное измерение, являются одновременно и объективными, поскольку они приобрели характер фактических общественных отношений, которые в своей данности уже не зависят от чьей-то воли. Потом, после их реализации, такие права можно поменять. Но это будет потом. Поэтому право субъективно и объективно одновременно. Субъективное в отрыве от объективного в праве не существует.

Процесс реформирования законодательства, как уже отмечено, отличается как прогрессивными, так и регрессивными тенденциями. В этой связи своего рассмотрения требуют такие аспекты реформирования законодательства как проявление монополизма в этой сфере, перспективы социального партнерства и негативные проявления партнерства в процессе реформирования законодательства.

Так, в настоящее время в Беларуси и других странах активно обсуждается состояние и перспективы развития партнерства государства с бизнесом, а также о значении гражданского общества. Создается впечатление, что эти явления совершенно новые для отечественной и мировой культуры, особенно правовой. А что касается вопроса широкого участия всего населения в решении государственных проблем, то этот вопрос вовсе не обсуждается, или решается в рамках конституционных формальностей по типу того, что народ единственный источник власти в государстве, избирает органы власти, а также вправе проводить референдумы, как прямые формы демократии. Такие рассуждения могут быть занимательными для тех народов и отдельных лиц, которые не знают опыта широкого участия в процессах обсуждения законопроектов, прямого управления предприятиями, вплоть до увольнения директоров, определения условий оплаты труда, перевода предприятий в коллективную и арендную собственность, что составило прогрессивные примеры существования советского социализма.

Обращаясь к научному рассмотрению данного вопроса нужно отметить, что понятие партнерства имеет много аспектов. Понятие партнерства родственно таким понятиям как

взаимодействие, сотрудничество, взаимопомощь, взаимопонимание, солидарность, сосуществование, общежитие и т.п. Партнерство – это и явление социально-правовой жизни, и общественное отношение, и состояние.

Основой современного правового регулирования социального партнерства и взаимодействия государства, бизнеса, других лиц и образований являются Конституции тех стран, которые провозглашают государство социальным, то есть основанным на взаимодействии, а не противоборстве социальных сил. Сущность партнерства обусловлена природой общества. Как справедливо писал К. Маркс, общество – это продукт взаимодействия людей [4, 402]. Однако учение марксизма несет в себе и противоречия в этой части, поскольку утверждает, что общественные отношения последних тысячелетий в Европе, да и во всем мире, обременены состоянием разделения общества на антагонистические классы. Это нанесло большой ущерб социальному прогрессу и ментальности народов мира. Наиболее тяжелые последствия этого коснулись советского и ряда других народов, когда пропагандировалась беспощадная война между классами. В других странах господствовал расизм и иные формы национальных и великодержавных антагонизмов. Разделение общества на сословия, группы и прослойки имело место и будет всегда. Равенство и неравенство – это две стороны одной медали. И это имеет не негативное, а позитивное значение для развития общества. В эпоху Возрождения, с одной стороны, никому и в голову не приходило, что между представителями различных сословий есть что-то общее. С другой стороны, нельзя говорить и о том, что в период феодализма все представители высших сословий с презрением относились к людям низкого состояния и происхождения и возводили непроходимую стену между ними и собой. Презрение к толпе нельзя свести к сословно-политическому моменту, и тем более не служит доказательством «антидемократизма» средневекового общества. Вопрос замыкался на индивидуальных качествах каждого, кто по рождению был человек. Представление о том, что мудрость и благородство возвышают человека более чем происхождение, богатство или власть, было хорошо знакомо и античности, и

средневековью. В период Ренессанса в одной компании можно было встретить и крупного магната, и художника, и ремесленника [5, 16-18, 52, 57].

Глубокое разобщение людей было вызвано и самим фактом появления и укрепления государства как особого субъекта общественных отношений и правоотношений. Государство произвело наиболее глубокое разделение общества и препятствия к партнерству и взаимодействию различных социальных сил и народов мира. С середины второго тысячелетия новой эры государство монополизировало власть в обществе, противопоставило себя обществу, изъяло у общественных социальных структур все организационные, юридические и иные функции по социально-экономическому, правовому и культурному развитию общества. Так, церковь, как основной идеологический и культурный центр, объединявший в единое целое людей и народы, была отстранена от социальных функций, а позже и вовсе отделена от государства. Лишь после буржуазных революций частный капитал оказал мощное влияние на государство и составил определенную конкуренцию государственному аппарату в управлении обществом. Но в этом же процессе была скрыта и сложная социальная болезнь, которая не проявила себя тогда еще в полной мере.

Наряду с этим, идеи утопического коммунизма и социализма, развивавшиеся в период XVII – XIX вв., выдвигали требования более широкого участия всего населения в управлении обществом, ограничения политического, судебного и законодательного монополизма государства в обществе. В это же время Гегель, через абсолютный и безграничный дух, рассматривал гражданское общество и государство как волю всех людей, как всеобщую свободу, где одновременно недопустима абсолютизация индивидуальности и ее интересов [6, 93., 286-287., 420., 432., 482. и др.].

Важным идеологическим обоснованием партнерства были и идеи философского позитивизма О.Конта, Дюркгейма в XIX в., а также социальный функционализм, развивавшийся французским профессором Леоном Дюги [7]. Идеология социального функционализма наложила свой глубокий отпечаток на все западноевропейское законодательство. Яркое выражение

это нашло в праве собственности. Например, статья 14-я Конституции ФРГ устанавливает правило, что частная собственность должна служить не только частным, но и общим интересам [8, 7., 17., 34., 38]. Признак служения частной собственности общим интересам подчеркивает ее общую социальную, а не только личную значимость и ценность, что предполагает социальное партнерство частных собственников, особенно крупного капитала, и иных лиц в обществе. На этой основе по-особому регулируются трудовые, жилищные и иные правоотношения. Но право частной собственности на постсоветском пространстве осталось, по сути, правом личной собственности, имеющим сугубо личный, потребительский характер. Причем, частному собственнику дано еще право эксплуатировать чужой труд и имущество. Никаких указаний на служение частной собственности общим интересам в законодательстве этих стран не имеется. Социальное предпринимательство пока остается только идеей [9, 14].

Идея участия народа в управлении государством, то есть партнерства государства и иных социальных сил, получила колоссальное практическое воплощение в советский период нашей истории, невзирая на монополизацию власти коммунистической партией. Широкое распространение получили различные общественные и общественно-политические организации, идеи дружбы всех народов и другие направления национального и международного партнерства и сотрудничества. Советское право закрепляло массу новых для культуры человеческой цивилизации правовых форм социального партнерства. Не случайно, именно в рамках советской действительности и права, профессор Новицкий И.Б. опубликовал в 1951 году специальную монографию по данной теме, которая называется «Солидарность интересов в советском гражданском праве. Отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи» [10, 120]. Монография имела инновационный характер. Впоследствии идеи партнерства и сотрудничества стали приобретать вполне осознанное международное признание. Так, ЮНЕСКО, на своей восемнадцатой сессии в Париже 19 ноября 1974 года, приняла Рекомендации о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира

и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод [11, 74-83].

Советское экспериментирование не прошло даром для цивилизации. XX век был показательным для формирования социального обеспечения населения в крупных и развитых странах. Практическая реализация новых цивилизованных форм взаимодействия государства и бизнеса зародилась в 90-х годах XX века в Великобритании и получила распространение в других странах. Таким образом, взаимодействие, партнерство и сотрудничество в современном обществе – это не дань некоей новой идее. Партнерство должно охватывать всех участников общественных отношений и пронизывать все сферы социально-экономического и культурного развития общества. Но возникает вопрос о том, какие формы и способы такого партнерства допустимы для различных лиц, их организаций и групп.

Рассматривая партнерство, как правовое явление, мы можем обнаружить его различные правовые формы. Формы взаимодействия субъектов общественных отношений и правоотношений известны всем отраслям права. Это и предпринимательская деятельность граждан в составе юридического лица, и система договоров, а также все правоотношения, носящие фидуциарный характер. Целям партнерства служат кредиторские обязанности. Сюда же включаются примирительные процедуры в процессуальном законодательстве, сотрудничество подозреваемых и подсудимых с правоохранительными органами в уголовном процессуальном законодательстве и др. Принцип партнерства специально предусмотрен в отношениях по договору строительного подряда (статьи 671, 705 Гражданского кодекса Беларуси, статьи 718, 750 ГК России, статья 850 ГК Украины и др.). Еще более характерно партнерство сторон в договорах кооперационного типа и совместной деятельности. Широко этот принцип применяется в международной договорной практике, опираясь на принцип добросовестности в товарно-денежном обороте. Поэтому можно констатировать, что сотрудничество и взаимодействие присуще всем современным гражданским договорам и его следует легализовать в качестве общего правового принципа. А в рамках гражданского законодательства следует прямо указать и на

то, что кредитор не только вправе требовать от должника исполнения обязанности, но и сам должен содействовать должнику в этом. При этом субъекты договора должны учитывать права и законные интересы третьих лиц.

В современной Беларуси идеи взаимодействия государства и бизнеса восприняты, главным образом, только в форме объединения их капиталов в форме создания общих коммерческих структур. Эта же форма предусматривается и в проекте Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве». По этому поводу следует вспомнить опыт общественного развития наших народов в составе России XIX – начала XX веков, когда такое единение государства и капитала было названо В.И. Лениным, в его классической работе «Развитие капитализма в России», государственно-монополистическим капитализмом, отличающимся особо жестокой эксплуатацией трудящихся. Развитые капиталистические страны, посмотрев на трагический опыт существования и распада СССР, уже не применяют такие формы социального партнерства, которые ведут к слиянию капитала государства и частного бизнеса.

Партнерство государства и частного капитала в форме создания общих коммерческих структур в сфере производства и торговли товарами для населения и получения дохода от этой деятельности, следует признать неправомерным и по ряду формальных юридических оснований. Так, целью деятельности коммерческих структур является исключительно получение прибыли. Никаких социальных целей при этом не ставится. Но у государства правосубъектность иная, чем у коммерческих структур. Социальные задачи, в том числе учет личных потребностей нетрудоспособных, инвалидов, детей и иных категорий населения, для государства имеют не менее важное значение, чем коммерческие интересы. Более того, используя советскую правовую терминологию, можно говорить, что государство осуществляет право государственной собственности для целей наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей всех граждан. Этим определяется чрезвычайно широкая правоспособность государства. Тогда как у частных структур правоспособность специальная. Поэтому консолидация государства и частного капитала в рамках коммерческих ор-

ганизаций противоречит сущностным целям их функционирования. Особенно в ситуации, когда, как сказано, частный капитал не понуждается к служению общим интересам. Такое объединение противостоит целям консолидации всего общества, так как вне рамок рассматриваемого объединения остаются все некоммерческие организации, не говоря уже о населении, за счет которых и будет получаться такая прибыль. Да и не все коммерческие структуры получают доступ к капиталу государства и единению с государством. Поэтому граждане, некоммерческие организации и множество незадачливых коммерческих единиц останутся в той среде, из которой аффилированное государство и его коммерческие партнеры будут черпать сверхприбыль. Причем, гражданин, будучи классически слабой стороной в отношениях с профессиональными продавцами и производителями, становится совершенно бессильным и загнанным в угол, когда на сторону предпринимателей становится еще и государство. Это негативно отражается на законодательстве о защите прав потребителей и практике его применения. При таких правовых обстоятельствах не выглядит парадоксом ситуация, когда после пищевых отравлений десятков граждан, особенно детей, правоохранительные органы не могут найти виновных. Наконец, слияние государственного и частного капитала в рамках коммерческих структур – это прямая легализация коррупционных схем.

Надо еще добавить, что указанное слияние частного и государственного капитала происходит на фоне отказа от легализации специализированных общественных организаций в области жилищных отношений, законодательно-

го ограничения правоспособности обществ по защите прав потребителей и др. Нет понимания единства интересов даже среди отдельных видов предпринимательских структур. Банковское сообщество легализовало в Банковском кодексе, принятом вместо Закона «О банках и банковской деятельности», для себя «тепличные условия», в сравнении с едиными требованиями экономической конституции страны, то есть Гражданского кодекса, ко всем коммерческим структурам. Интересы коммерческих структур в сфере жилищного строительства пользуются приоритетом над интересами собственников частных жилых домов, под предлогом сноса частных домов в государственных и общественных интересах для нового многоэтажного строительства. При этом не учитывается, что такие коммерческие структуры строят жилье не для своих работников, а для продажи, то есть получения прибыли. Одновременно, такие структуры возводят нежилые здания и помещения для продажи и сдачи в аренду в тех же целях – получения своей личной выгоды.

Таким образом, понятие перманентного реформирования законодательства имеет сложную систему признаков и целей. Причем целевой аспект является важнейшим для определения данного и иных правовых понятий. Перманентное реформирование законодательства предполагает постоянство, непрерывность и преемственность этого процесса при взаимной согласованности всех известных форм (источников) права. Такое реформирование должно основываться на комплексной методологии, социальном функционализме и социальном партнерстве.

Использованные источники

1. Марченко, М.Н. Государство и право в условиях глобализации // М.: Проспект, 2009. – 400 с.
2. Витушко, В.А. Эволюция права / В.А.Витушко – Право и демократия. Сборник научных трудов. Вып. 24. // БГУ, 2013. – с. 47-67
3. Гражданское право: Учебник в 2 частях. Ч.1 / Под общ.ред. проф. В.Ф Чигира // Мн.: Амалфея, 2000. – 976 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е издание // М.: Политиздат, 1955, т. 27. – 756 с.
5. Баткин, Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления // М.: Наука, 1978. – 199 с.
6. Гегель, Г.В.Ф. Философия права // М.: Мысль, 1990. – 524 с.
7. Дюги Леон. Общие преобразования гражданского права // М., 1919.
8. Маклаков, В.В. Эволюция конституционных прав и свобод в странах Западной Европы // М., 1991.
9. Лескова, Ю.Г. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства // «Юрист», 2013. № 11 – с.13-17.
10. Новицкий, И.Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. Отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи // М.: Госюриздат, 1951. – 120 с.
11. ЮНЕСКО и права человека / Л.В.Павлова, А.Е.Вашкевич: Под ред. Л.В.Павловой // Минск: Тесей, 2002. – 232 с.

References

1. Marchenko, M.N. State and law in the context of globalization // M.: Prospect, 2009. – 400.
2. Vitushko, V.A. Evolution of Law / V.A.Vitushko. – Law and Democracy. Collection of scientific papers. – Issue. 24. // BSU, 2013. – P.47-67.
3. Civil Law: Textbook. In two parts, Part 1 / Edited by prof. V.F. Chigiri // Minsk: Amalfeya, 2000. – 976.
4. Marx, K. Engels, F. Collected Works. 2nd edition // Moscow: Politizdat, 1955, Vol. 27. – 756.
5. Batkin, L.M. Italian humanists: lifestyle and way of thinking // Moscow: Nauka, 1978. – 199.
6. Hegel, G.W.F. Philosophy of Law // M.: Thought, 1990. – 524.
7. Djugi Leon. Common conversions civil law. // M., 1919.
8. Jobbers, V.V. Evolution of constitutional rights and freedoms in the countries of Western Europe. // M., 1991.
9. Leskova Y.G. Self-regulatory organization as a legal model of the introduction and development of social entrepreneurship // Lawyer. 2013. Number 11 – pp.13-17.
10. Novitsky, I.B. Solidarity interests in Soviet civil law. Relations of comradesly cooperation and socialist mutual // M.: Gosyurizdat, 1951. – 120.
11. UNESCO and Human Rights / L.V. Pavlova, A.N. Vashkevich: Ed. L.V.Pavlovoy // Minsk: Theseus, 2002. – 232.